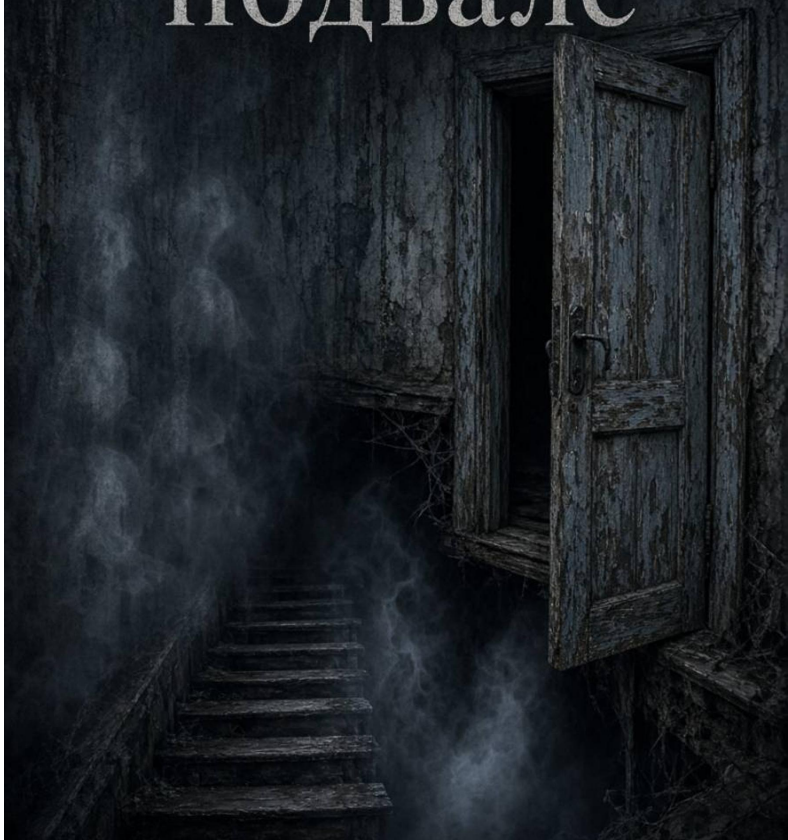

Тишина

— ❧ — В — ❧ —

подвале

Gregori Madrigan

Тишина в подвале

<https://litres.ru/74401869>

SelfPub; 2026

Аннотация

В заброшенном посёлке на севере России больше нет настоящей тишины. В подвалах живёт то, что научилось копировать голоса мёртвых. Оно не убивает сразу. Оно постепенно подменяет человека: сначала голос, потом привычки, потом память. Настоящее «я» остаётся внизу. В темноте.

Артём, бывший военный корреспондент, приезжает продать дом матери и в первую ночь слышит её голос из подвала. Рядом — Лена, которая слышит эти голоса с детства и знает главное правило: никогда не отвечать.

«Тишина в подвале» — психологический хоррор о самом тихом ужасе: о том, как легко потерять себя, даже не заметив, когда твой собственный голос начинает звучать чуть спокойнее и уже не совсем принадлежит тебе.

Содержание

G-1 -ГОЛОС ИЗ ПОДВАЛА-	4
G2 -ДНЕВНИКИ И ГОЛОСА СВЕРХУ-	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Gregori Madrigan

Тишина в подвале

G-1 -ГОЛОС ИЗ ПОДВАЛА-

G-1 -ГОЛОС ИЗ ПОДВАЛА-

Дорога в посёлок Северный была не просто плохой. Она была забытой. Артём ехал уже четвёртый час после того, как асфальт сменился на разбитую грунтовку, и каждый километр ощущался как отдельное испытание. Колёса машины то проваливались в глубокие колеи, то подпрыгивали на камнях, которых здесь было больше, чем самой дороги. За окном тянулся бесконечный хвойный лес — тёмный, плотный, будто специально посаженный, чтобы скрыть это место от остального мира. Небо висело низко, серое, тяжёлое, без единого просвета. Даже солнце, если оно и было где-то там, за облаками, не решалось пробиться.

Артём держал руль крепко. Пальцы побелели. Он курил одну сигарету за другой, хотя обычно старался не курить за рулём. Нервы. Или привычка. Или то и другое сразу. Ему было тридцать два. За плечами — годы работы военным корреспондентом. Он видел вещи, от которых большинство людей сходят с ума или спиваются. Видел смерть в разных её проявлениях: громкую, тихую, случайную, намеренную. Но

сейчас, подъезжая к этому забытому Богом и людьми посёлку, он чувствовал что-то другое. Не страх. Скорее — тяжёлое, тягучее предчувствие. Как будто место само смотрит на него и оценивает.

Посёлок появился внезапно. Сначала — несколько полуразрушенных домов на окраине. Потом — улица. Широкая, рассчитанная на другую жизнь. Когда-то здесь, видимо, жили сотни людей. Сейчас большинство домов стояли с заколоченными окнами или просто пустые, с приоткрытыми дверями, которые тихо покачивались от ветра. Ветер здесь был странный — не сильный, но настойчивый. Он не шумел в кронах, а скорее шептал. Или так казалось.

Артём проехал мимо нескольких зданий, прежде чем увидел дом матери. Он стоял отдельно. Дальше всех. На самом краю, где улица уже переходила в лесную тропу. Двухэтажный деревянный сруб, когда-то покрашенный в тёмно-коричневый цвет, теперь почти полностью облезший. Крыльцо покосилось. Окна на первом этаже были целыми, на втором — одно заколочено. Дыма из трубы не было. Дом выглядел мёртвым. Как и весь посёлок.

Он заглушил двигатель и несколько минут просто сидел в машине. Слушал. Тишина была полной. Не той городской, в которой всегда есть фон — гул машин, голоса, далёкая музыка. Здесь тишина была абсолютной. Как будто звук вообще не существовал в этом месте. Или существовал, но только для тех, кто умел его слышать.

Артём вышел. Холод сразу пробрался под куртку. Воздух пах прелой листвой, хвоей и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, почти больничным. Запах старого подвала. Или чего-то, что долго лежало в темноте. Он взял сумку из багажника — одну, небольшую. Остальное можно было привезти потом. Если вообще понадобится.

Ключ нашёлся в кармане. Тот самый, который мать прислала год назад в простом конверте без обратного адреса. «На всякий случай», — написала она. Артём тогда усмехнулся и бросил ключ в ящик стола. Теперь ключ был единственным, что осталось от неё. Кроме дома. И памяти. Которая уже начинала подводить.

Дверь открылась легко. Без скрипа. Будто кто-то совсем недавно смазал петли. Внутри пахло пылью, сухими травами и чем-то неуловимо знакомым. Запахом детства. Тем самым, который он старательно вытеснял все эти годы. Коридор был узким, с низким потолком. Слева — дверь на кухню. Справа — в гостиную. Прямо — лестница наверх. И ещё одна дверь. Та, что вела вниз. В подвал. Обычная деревянная, когда-то зелёная, теперь облезшая, с потёртой ручкой. Артём остановился перед ней дольше, чем следовало. Потом отвернулся.

Он прошёл по дому. Кухня была маленькой, но аккуратной. На столе — старый чайник. В шкафу — банки с вареньем. Этикетки написаны рукой матери. Даты — прошлый год. Значит, она до последнего поддерживала порядок. В гостиной — старый диван, кресло, телевизор, который, судя по

всему, давно не включали. На стенах — фотографии. Много фотографий. Он сам в детстве. С велосипедом. С удочкой. С матерью на крыльце. Отец — на нескольких снимках. Артём почти не помнил его. Отец ушёл рано. Или умер. Или просто исчез. В семье об этом не говорили.

Были и более поздние фотографии. Артём в форме. С камерой на плече. В разных точках мира. Значит, мать следила. Собирала. Молча. Как и всё в своей жизни.

Наверху было две комнаты. Одна — его детская. Кровать, стол, шкаф. Всё на своих местах. Будто он уехал вчера, а не двадцать лет назад. Вторая — материнская. Кровать аккуратно застелена. На тумбочке — книга, раскрытая на середине. Артём не стал читать. Ему и так было достаточно воспоминаний.

Он спустился вниз, поставил сумку в гостиной и сел на диван. Дом скрипел иногда. Как все старые дома. Но в основном молчал. Особенно молчал подвал. Артём специально прислушался. Ничего. Только его дыхание и далёкий шум ветра в печной трубе.

Он достал диктофон. Старый, надёжный, выдавший виды. Тот, с которым ходил под обстрелами и в развалинах. Включил на несколько секунд, потом остановил и прослушал. Свой голос. Усталый. Хрипловатый. Нормальный. Пока.

Вечер пришёл быстро. Здесь всегда рано темнеет. Особенно осенью. Особенно в таком месте. Артём зажёл лампу. Сел

с чаем и блокнотом. Пытался написать объявление о продаже. «Старый деревянный дом в тихом посёлке на севере. Идеально для тех, кто ищет уединения». Тихое. Да. Слишком. Он написал несколько строк и отложил ручку. Мысли путались. В голове крутилась фраза, которую он не помнил, чтобы когда-либо слышал: «Он теперь говорит моим голосом лучше, чем я». Откуда она взялась? Может, из сна. Или из тех мест, где он бывал. Где люди иногда начинали говорить чужими голосами после контузии.

Ближе к полуночи он решил лечь. Спать хотелось плохо. Последние месяцы он спал урывками. А когда засыпал — видел одно и то же. Длинные коридоры. Кто-то идёт следом. Когда оборачиваешься — никого. Здесь коридоры были настоящими. Артём выбрал свою старую комнату. Лёг не раздеваясь. Положил рядом телефон и диктофон. Привычка. В горячих точках она спасала жизнь. Здесь... здесь она могла спасти что-то другое.

Сон не шёл. Дом дышал. Где-то в трубах постукивало. Ветер царапал ветками по стеклу. Артём лежал с открытыми глазами и слушал. И вот тогда это началось.

Сначала — очень тихо. Так тихо, что он решил: послышалось. Голос. Женский. Из глубины дома. Из подвала.

— Артём... ужин готов...

Интонация была точной. Та самая, которой мать звала его тридцать лет назад. Когда он сидел во дворе и не хотел идти домой. Тёплая. Немного усталая. С лёгкой улыбкой в голосе.

Артём сел на кровати. Сердце колотилось так сильно, что он слышал его в ушах. Он встал. Тихо спустился по лестнице. Голос повторился, чуть громче:

— Артём, не заставляй меня ждать. Суп остынет.

Он остановился перед дверью в подвал. Рука сама потянулась к ручке. Потом остановилась. Артём отступил на шаг. Включил диктофон. Нажал запись. И стал ждать.

Голос замолчал. Несколько минут была только тишина и его собственное дыхание. Затем снова:

— Ты вырос. Но я всё равно тебя узнаю. Спустись. Здесь тепло. Здесь хорошо.

Артём стоял неподвижно. Пальцы сжались вокруг диктофона так сильно, что пластик тихо хрустнул. Он не ответил. Не открыл дверь. Просто слушал. Голос продолжал. Рассказывал, как в детстве он боялся темноты, и мать сидела рядом, пока он не заснёт. Рассказывал о том, как пахла кухня по воскресеньям — пирогами и чем-то ещё, чего он уже не мог вспомнить. О том, как она ждала его писем из армии. Каждая деталь была правильной. Слишком правильной. Так, будто кто-то взял его память, разобрал на части и теперь проигрывал обратно ему же. С небольшими улучшениями.

Через двадцать минут голос стих. Артём выключил запись. Руки дрожали. Он вернулся в гостиную, сел на диван и несколько раз прослушал файл. Голос был настоящим. Не эхом. Не галлюцинацией. Настоящим голосом матери. Только матери уже три месяца как не было в живых. Или так на-

писали в свидетельстве о смерти.

Он не спал до рассвета. Сидел с включённым диктофоном, записывая тишину. Иногда казалось, что из-под пола доносится шорох. Иногда — будто кто-то очень тихо вздыхает. К утру Артём понял две вещи. Первая: он не уедет завтра. И не послезавтра. Вторая: в этом доме больше нет тишины. Есть что-то, что научилось её заполнять. И оно уже знает его имя.

Утром он вышел на крыльцо. Небо было таким же серым, как вчера. Посёлок выглядел ещё мертвее при дневном свете. Артём решил пройтись. Ему нужно было увидеть, жив ли здесь кто-то ещё. И нужно было выветрить из головы тот голос. Хотя бы на время.

Первый дом, мимо которого он прошёл, стоял с открытой дверью. Внутри — пустота и запах плесени. Второй — то же самое. На третьем он заметил движение. Из окна выглянула женщина. Лет двадцати восьми, может, чуть больше. Тёмные волосы собраны в простой хвост. Лицо усталое, но глаза живые. Она смотрела на него долго, оценивающе, потом кивнула. Артём кивнул в ответ. Она исчезла. Через минуту дверь открылась.

— Ты не местный, — сказала она без приветствия. Голос был спокойный, немного хрипловатый. Такой, будто человек много курит или мало спит. Или и то, и другое.

— Нет. Приехал по делам. Дом матери.

Женщина кивнула снова.

— Лена. Учительница. Бывшая. Теперь просто Лена. Здесь почти никого не осталось учить. Дети уехали. Вместе с родителями. Или без.

— Артём.

Они стояли молча несколько секунд. Лена смотрела на него так, будто пыталась понять, насколько он уже «здесь». Насколько глубоко уже забралось то, что живёт в подвалах.

— Ты слышал? — спросила она наконец.

Артём не стал притворяться. После прошлой ночи притворяться было бессмысленно.

— Вчера. Из подвала. Голос матери. Точный. До последней интонации.

Лена не удивилась. Только вздохнула. Тяжело. Так, будто подтвердила для себя что-то неприятное.

— Значит, началось. У всех начинается по-разному. У кого-то в первую ночь. У кого-то через неделю. У кого-то — только когда уже почти готов. Главное — не отвечать. И не спускаться. Никогда. Даже если очень захочется. Особенно если очень захочется.

— Что это?

— Не знаю. Никто не знает точно. Старик Фёдор что-то знает. Или думает, что знает. Живёт на самом краю, в последнем доме перед лесом. У него в подвале никогда не бывает тихо. Он говорит — привык. Я ему верю. Он здесь дольше всех.

Артём достал сигарету. Руки всё ещё слегка дрожали. Он

заметил, что Лена тоже курит. Они стояли и молчали, глядя на пустую улицу.

— А те, кто отвечает? — спросил он.

Лена посмотрела куда-то мимо него, в сторону леса. Там, между деревьями, уже сгущалась какая-то особая тьма. Не ночная. Другая.

— Они становятся тише. Спокойнее. Перестают выходить. Перестают есть. Перестают спать. А потом просто... остаются в доме. Дверь закрывается. И изнутри иногда доносятся разговоры. С теми, кого давно нет. Или с теми, кого никогда не было. А потом и разговоры стихают. Остаётся только один голос. Который говорит, что ему хорошо. И зовёт остальных.

Они ещё немного поговорили. Лена рассказала, что посёлок начал пустеть лет пятнадцать назад. Сначала уезжали молодые — в город, на заработки, кто куда. Потом стали пропадать и те, кто оставался. Не громко. Без следов. Без объявлений о розыске. Просто однажды дверь больше не открывалась. А изнутри иногда доносились голоса. Разговоры. Смех. Плач. Иногда — пение. Старое. Забытое.

— Я слышу с детства, — призналась она. Голос стал ещё тише. — Научилась не слушать. Почти. Иногда ночью всё равно просыпаюсь и понимаю, что несколько секунд отвечала. Потом сижу до утра и боюсь заснуть снова. Потому что во сне легче согласиться. Во сне голоса звучат ещё убедительнее.

Артём кивнул. Он понимал. После прошлой ночи понимал слишком хорошо. Голос матери звучал так, будто она действительно ждала его внизу. С тёплым супом. С улыбкой. С прощением за все годы, когда он не приезжал.

К полудню в посёлок въехала ещё одна машина. Чёрный внедорожник с московскими номерами. Грязный после дороги, но всё равно чужой. Из него вышли трое. Двое молодых парней с камерами и штативами. Один чуть постарше, с большим рюкзаком и усталым лицом. Блогеры. Урбанисты. Те, кто ездит по заброшенным местам России и снимает «самые жуткие локации». Артём наблюдал за ними из окна дома Лены. Они ходили по улице, снимали, громко разговаривали, смеялись. Один из них, высокий, в яркой куртке кислотно-зелёного цвета, кричал в камеру:

— Ребята, это самый мёртвый посёлок, который мы видели! Здесь даже птицы не летают! Представляете, что здесь можно снять ночью? Атмосфера просто огонь!

Лена стояла рядом с Артёмом и смотрела на них с выражением человека, который уже видел такой конец. Не раз.

— Они не уедут, — тихо сказала она. — Никто не уезжает сразу. Сначала им становится интересно. Потом — страшно. А потом они начинают слышать. И уже не хотят уезжать. Потому что голоса обещают то, чего наверху уже нет. Покой. Прощение. Встречу с теми, кого потеряли.

Артём молчал. Он думал о диктофоне, который лежал у него в кармане. О голосе, который звучал слишком правиль-

но. И о том, что сегодня ночью он снова будет один в доме, где подвал больше не молчит. Где что-то научилось копировать самое дорогое.

Вечером блогеры разбили лагерь в одном из центральных домов. Зажгли генератор. Поставили свет. Громко включали музыку. Артём слышал их голоса даже у себя. Они смеялись. Кто-то кричал, что нашёл в подвале старые банки с непонятными этикетками. Кто-то предлагал устроить сеанс связи с духами. Кто-то уже начинал шутить про «местного полтергейста». Артём сидел у окна своего дома и записывал. Не их разговоры. Тишину между ними. И иногда — очень тихий шорох, который доносился снизу, будто что-то перебирало старые вещи в темноте. Или готовилось.

Ночью музыка стихла. Смех тоже. Артём лежал в темноте и ждал. Голос пришёл ближе к трём часам. На этот раз он был не один. Сначала мать. Потом — чей-то мужской, незнакомый, низкий, спокойный. Потом — детский. Тонкий. Все они говорили почти одновременно, перебивая друг друга, но каждое слово было разборчивым. Они звали. Обещали. Уговаривали. Говорили, что внизу нет боли. Что там тепло. Что там можно просто быть. Без всего этого наверху. Без войн. Без репортажей. Без чувства вины за то, что не успел попроситься с матерью.

Артём записывал. Не двигался. Не отвечал. Только когда один из голосов — его собственный, молодой, из того времени, когда он ещё верил, что мир можно исправить честны-

ми кадрами, — сказал: «Спустись. Я уже здесь. И мне здесь хорошо», — Артём впервые за ночь произнёс вслух:

— Нет.

Голоса стихли. На несколько минут. Потом засмеялись. Тихо. Хором. И исчезли. Будто удовлетворённые. Или просто отложившие разговор на потом.

Утром он прослушал запись. Всё было там. Каждый голос. Каждая интонация. И в конце — его собственное «нет», после которого наступила тишина. Но не та, настоящая. А другая. Настороженная. Ждущая. Как будто тишина тоже умеет слушать.

Артём вышел на улицу. Посёлок выглядел так же. Только у дома, где ночевали блогеры, стояла открытая дверь. И никого не было видно. Он подошёл ближе. Внутри пахло гарью от генератора и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. Тем самым запахом, который он почувствовал ещё вчера у своего дома. На столе лежал телефон. Один. Экран горел. Артём нажал на воспроизведение последнего видео.

На записи был тот самый высокий парень в яркой куртке. Он сидел в подвале. Лицо спокойное. Почти счастливое. Глаза немного стеклянные. Говорил своим голосом. Спокойно. Убедительно:

— Ребята... мне здесь хорошо. Правда. Не надо меня искать. Просто... просто спуститесь. Здесь тихо. И тепло. И все, кого вы потеряли... они здесь. Ждут. Я уже видел. Они улыбаются. Они не злятся. Они просто ждут, когда мы все будем

вместе. Внизу.

Видео оборвалось. Артём стоял в пустом доме и слушал, как где-то внизу, за закрытой дверью подвала, кто-то очень тихо напевает старую колыбельную. Голосом его матери. Ту самую, которую она пела ему, когда он был совсем маленьким. И которую он уже почти забыл.

Он развернулся и вышел. Не оглядываясь. В кармане лежал диктофон с ночными записями. В голове — чужой голос, который уже начинал звучать почти как его собственный. А впереди был ещё один день в посёлке, где тишина давно умерла. И где-то далеко, на краю, в доме старика Фёдора, подвал никогда не молчал. Потому что там уже некого было подменять. Там уже все были внизу. И пели. Когда им позволяли.

Артём вернулся к себе. Сел за стол. Включил диктофон. И начал говорить. Не голосам. Себе. Пока ещё мог отличить одно от другого.

— Меня зовут Артём. Мне тридцать два. Я бывший военный корреспондент. Я приехал сюда три дня назад. Мать умерла. Дом нужно продать. В первую ночь я услышал её голос из подвала. Я не спустился. Но я записываю. Если кто-то найдёт эти записи... не слушайте их слишком долго. И не отвечайте. Никогда не отвечайте. Потому что они учатся. Быстро. И чем больше вы слушаете, тем лучше они копируют. Пока не станет невозможно отличить.

Он выключил запись. За окном начинался новый день. Се-

рый. Тихий. И где-то под ногами, в темноте, которую нельзя было увидеть, но можно было услышать, что-то терпеливо ждало. Ждало, когда он устанет сопротивляться. Когда голос станет слишком убедительным. Когда «я» начнёт стираться, оставляя только оболочку, которая говорит правильные слова правильным голосом. Лучше, чем оригинал.

Он сидел так до полудня. Потом снова пошёл к Лене. Она открыла сразу, будто ждала.

— Один из них пропал, — сказал Артём. — Нашёл телефон. На записи он сам себя уговаривает спуститься. Голосом, который уже почти не его.

Лена кивнула. Лицо её стало ещё бледнее. Тёмные круги под глазами говорили о том, что она тоже почти не спала.

— Значит, быстро. Обычно дольше. Значит, они уже слабые. Или... оно голодное. После зимы всегда голоднее. Меньше людей. Меньше голосов. Ему нужно заполняться.

— Что нам делать?

— Ничего. Пока. Слушать. Записывать. Не отвечать. И не спускаться. Если начнёшь спускаться — я вытащу. Если смогу. Если сама ещё буду собой.

Артём посмотрел на неё. В её глазах не было геройства. Была только усталость человека, который слишком долго живёт рядом с чем-то, что постепенно съедает тебя изнутри, оставляя снаружи только голос. И привычки. И память. Которую тоже можно скопировать.

— А старик Фёдор?

— Пойдём к нему. Когда будешь готов. Он расскажет. Или не расскажет. Как повезёт. Но у него в подвале... там не один голос. Там все. Все, кто когда-либо жил здесь. И они поют. Иногда. Когда он позволяет. Или когда оно само решает, что пора.

Артём молчал. Он думал о том, как будет звучать хор из сотен голосов. И о том, узнает ли он среди них голос матери. И сможет ли отличить его от своего собственного, когда придёт время. Если придёт.

День тянулся медленно. Блогеры — те, что остались, — искали пропавшего. Кричали его имя по всему посёлку. Снимали. Один из них, тот, что постарше, подошёл к Артёму к вечеру. Глаза были красными. Руки дрожали.

— Вы местный? — спросил он. Голос дрожал, хотя он пытался казаться спокойным. Профессиональным.

— Нет. Приехал недавно. По делам.

— Наш оператор... он просто ушёл ночью. Мы думали — по нужде. А утром нашли только телефон. И дверь в подвал открыта. Мы не стали спускаться. Там... там пахнет странно. И кажется, кто-то разговаривает. Тихо. Но разговаривает.

Артём кивнул. Достал сигареты. Предложил. Парень взял. Закурили.

— Не спускайтесь, — сказал Артём. — И не слушайте, если начнут звать. Особенно если позовут голосами тех, кого вы знаете. Тех, кого потеряли. Это самое опасное. Они знают, что сказать. Они знают всё. Потому что они — это вы.

Только уже без вас.

Парень посмотрел на него долго. Потом тихо сказал:

— Он уже звал. Ночью. Я слышал. Голосом моей девушки. Которая умерла два года назад. В аварии. Он говорил, что она внизу. И что мне будет хорошо рядом с ней. Что она не злится. Что просто ждёт. Я чуть не пошёл. Чуть-чуть. Потом вспомнил, что у меня ещё есть брат. И племянница. И остановился. Но голос... он был настоящим. Совсем настоящим.

Артём ничего не ответил. Только кивнул. Они стояли молча, пока солнце не скрылось за лесом. Тогда парень развернулся и пошёл обратно к своему дому. Артём смотрел ему вслед и думал, что уже знает, чем это закончится. Один останется. Или не останется. А потом придут новые. С камерами. С аппаратурой. С желанием понять. Или просто снять контент. И посёлок будет ждать. Терпеливо. Как ждал все эти годы. Как будет ждать ещё.

Ночью голоса пришли снова. На этот раз они были тише. Почти ласковые. Мать рассказывала ему сказку, которую читала в детстве. Про Ивана-дурака и серого волка. Голос был настолько точным, что Артём на мгновение закрыл глаза и почти поверил. Почти слышал треск поленьев в печи. Почти почувствовал запах пирогов. Потом открыл глаза и продолжил записывать. В конце, когда сказка закончилась, голос сказал совсем тихо, почти шёпотом:

— Я всё равно буду ждать. Ты устанешь. Все устают. И тогда спустишься. А я буду говорить твоим голосом. Лучше,

чем ты сам. И никто не заметит разницы. Даже ты.

Артём выключил диктофон. Лёг. И впервые за две ночи провалился в сон. Ему снилось, что он стоит на краю лестницы, ведущей вниз. Внизу светло. Тепло. И кто-то очень похожий на него машет рукой и улыбается. Улыбка та же. Глаза те же. Только чуть спокойнее. Чуть счастливее. А сверху, где осталась его настоящая жизнь, становится всё тише и тише. Пока не остаётся только голос. Который говорит, что ему здесь хорошо. И что можно просто отпустить.

Он проснулся на рассвете с ощущением, будто кто-то очень близко дышал ему в лицо. Комната была пуста. Но на диктофоне, который он оставил включённым на всякий случай, была новая запись. Короткая. Всего несколько секунд. И на ней — его собственный голос. Которого он не произносил. Никогда:

— Я уже почти здесь. Ещё немного. И я спущусь. Мне здесь будет хорошо.

Артём сидел на краю кровати и слушал эту запись снова и снова. Пока не понял, что пальцы сами тянутся к двери в подвал. Тогда он встал, вышел из дома, не закрывая дверь, и пошёл к Лене. Быстрым шагом. Почти бегом. Потому что в одиночку он уже не был уверен, чьи мысли у него в голове. Свои. Или те, что живут внизу и учатся быть им. Лучше, чем он сам.

Лена открыла сразу. Посмотрела на его лицо и поняла всё без слов. Просто отошла в сторону, пропуская внутрь. За-

крыла дверь. Поставила чайник.

— Начинается, — сказала она. — Быстрее, чем у большинства. Значит, оно тебя заметило. Или ты сам слишком много слушал. Или слишком хорошо помнишь. Чем ярче память — тем легче копировать.

— На записи мой голос. Которого не было. Я проверял. Я не говорил этих слов.

— Знаю. У меня тоже было. Один раз. Я стёрла. Потом пожалела. Потом поняла, что правильно сделала. Если начнёшь слушать себя самого снизу — уже почти конец. Потому что тогда ты начинаешь верить, что это действительно ты. Только уже свободный. От всего.

Они сидели на кухне. Лена налила чай. Крепкий. Без сахара. Артём рассказывал всё, что записал. Каждую деталь. Каждую интонацию. Она слушала молча. Иногда кивала. Иногда закрывала глаза. Когда он закончил, сказала:

— Завтра пойдём к Фёдору. Сегодня — отдыхай. Насколько это возможно. И не оставайся один ночью. Если нужно — оставайся здесь. У меня голоса тише. Я давно с ними... договорилась. Почти. Они знают, что я не спущусь. И иногда оставляют в покое. Иногда.

Артём кивнул. Он остался. Впервые за долгое время спал не один. Лена лежала на диване в соседней комнате. Иногда он слышал, как она во сне тихо что-то бормочет. Один раз — совсем отчётливо — голосом маленькой девочки. Тонким. Испуганным. Потом она резко замолкала, будто сама себя

одоёргивала. Артём лежал и слушал. И понимал, что в этом посёлке никто уже не является полностью собой. У каждого в подвале что-то осталось. Или кто-то. И это «кто-то» терпеливо ждёт, когда можно будет подняться наверх и занять пустое место. Когда оболочка станет достаточно пустой, чтобы заполнить её собой.

Утром они пошли к старику Фёдору. Дом стоял на самом краю, почти вросший в лес. Дым из трубы шёл ровно. Значит, жив. Артём постучал. Долго. Кулаком. Потом дверь открылась. Старик выглядел старше своих семидесяти одного. Лицо изрезано морщинами. Глаза — ясные, цепкие, почти молодые. Он посмотрел на Артёма, потом на Лену, потом снова на Артёма. Долго. Оценивающе.

— Пришёл, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. — Слышишь уже?

— Да.

— Спускаться будешь?

— Нет.

Старик хмыкнул. Коротко. Без веселья. Отошёл в сторону, пропуская их внутрь.

— Тогда слушай. Пока ещё можешь. Потому что потом уже не ты будешь слушать. А оно — тобой. И тогда уже поздно будет что-то решать.

Дом внутри был тёплым и странно уютным. На стенах — старые иконы. Потёртые. Потемневшие. И фотографии. Много фотографий. Людей, которых Артём не знал. И

нескольких, которых, казалось, знал. Или должен был знать. Лица знакомые. Как из старых снов. Фёдор поставил на стол три стакана. Налил чего-то крепкого из старого графина. Без этикетки.

— Пей. Здесь это помогает. Немного. Ненадолго. Потом уже не помогает. Но сначала — помогает.

Они выпили. Жидкость обожгла горло. Согрела. Фёдор сел напротив и долго молчал. Смотрел в окно. На лес. Потом начал говорить. Тихо. Ровно. Так, будто рассказывал не историю, а инструкцию по выживанию. Или по медленному умиранию.

— Когда-то здесь строили. Глубоко. Очень глубоко. Не шахту. Не бункер. Что-то другое. Секретное. В те времена, когда ещё умели рыть глубоко и молчать о том, что нашли. Рыли. И дорылись. Не до твари. Не до болезни. Не до радиации. До пустоты. Которая умеет заполняться. Воспоминаниями. Голосами. Тем, что человек оставляет после себя, когда уходит. Или когда ещё не ушёл, но уже почти. Она не ест тела. Тела ей не нужны. Они ей мешают. Она ест «я». Постепенно. Сначала голос. Потом привычки. Потом память. А настоящее «я» остаётся внизу. В темноте. И иногда кричит. Но уже никто не слышит. Потому что наверху говорит уже другое. То, что научилось быть тобой лучше, чем ты сам. Точнее. Спокойнее. Убедительнее.

Артём слушал и чувствовал, как холодеют пальцы. Несмотря на выпитое.

— Можно ли это уничтожить?

Фёдор покачал головой. Медленно.

— Огонь не берёт. Мы пробовали. В семидесятых. Потом в девяностых. Подвалы не горят. Как будто там что-то гасит пламя изнутри. Вода не берёт. Время не берёт. Можно только не спускаться. И не отвечать. И уезжать, пока ещё можешь. Но мало кто уезжает вовремя. Большинство остаётся. Потому что голоса знают, что сказать. Они знают всё. Они — это ты. Только уже без тебя. Без боли. Без сомнений. Без чувства вины.

Лена сидела молча. Она, видимо, слышала это не в первый раз. Или слышала похожее. Артём спросил:

— А в твоём подвале?

Фёдор улыбнулся. Улыбка вышла кривой. Усталой.

— В моём подвале уже давно нечего подменять. Там все, кто жил здесь. И они поют. Когда я позволяю. Или когда оно само решает, что пора напомнить. Хочешь послушать?

Артём открыл рот, чтобы сказать «нет». Твёрдо. Однозначно. Но сказал другое. Тише. Почти против воли:

— Хочу.

Фёдор кивнул. Встал. Подошёл к двери в подвал. Старой, облезшей, с тяжёлой металлической задвижкой. Открыл её. И снизу, из темноты, которая была не совсем темнотой, а скорее густой, живой, дышащей тишиной, поднялся хор. Сотни голосов. Мужских. Женских. Детских. Старых. Молодых. Они пели без слов. Или со словами, которые нельзя

было разобрать разумом, но которые цеплялись за память и тянули вниз. Среди них Артём отчётливо слышал голос матери. Она звала его по имени. Ласково. Убедительно. С той самой интонацией, с которой звала ужинать. И совсем рядом — его собственный голос. Тот, что уже научился звучать из глубины. Спокойный. Довольный. Говорящий, что ему здесь хорошо.

Лена схватила его за руку. Сильно. До боли. Ногти впились в кожу.

— Хватит, — сказала она Фёдору. Голос дрожал.

Старик закрыл дверь. Хор оборвался. Резко. Как ножом отрезали. В доме снова стало тихо. Но теперь Артём знал: тишина здесь — только пауза. Перед следующим голосом. Перед следующим зовом. Перед тем моментом, когда сопротивление закончится.

Они ушли молча. Лена вела его почти за руку, будто боялась, что он развернётся и вернётся к тому дому. К той двери. Артём шёл и думал только об одном: голос в подвале Фёдора звучал слишком знакомо. Слишком правильно. И когда он говорил «мне здесь хорошо», Артём на долю секунды почти поверил. Почти сделал шаг назад.

Вечером он снова остался у Лены. Они почти не разговаривали. Просто сидели. Иногда включали диктофон и слушали старые записи. Голоса звучали всё убедительнее. Артём уже не всегда мог сказать, где заканчивается запись и начинается реальность. Один раз, когда Лена вышла на минуту

во двор, он поймал себя на том, что отвечает вслух. Коротко. Почти шёпотом. «Я слышу. Я здесь». Потом испугался и замолчал. Но было уже поздно. Что-то внизу услышало. И запомнило. И улыбнулось. Если оно умеет улыбаться.

Ночь прошла относительно спокойно. Голоса были, но тихие. Далекие. Будто ждали. Или копили силы. Или просто давали передышку. Чтобы потом ударить сильнее. Артём спал урывками. Каждый раз, просыпаясь, проверял, не говорит ли он во сне. Один раз — да. Несколько слов. Голосом, который уже почти не отличался от его собственного. Лена разбудила его. Молча. Просто тряхнула за плечо. Сильно. Он кивнул. Больше не засыпал. Сидел у окна и смотрел на пустую улицу. Где-то в одном из домов ещё горел свет. Генератор блогеров. Или то, что осталось от них.

На третий день блогеры начали сходить с ума по-настоящему. Тот, что остался без оператора, ходил по посёлку и разговаривал с кем-то невидимым. Иногда смеялся. Иногда плакал. Иногда просто стоял посреди улицы и слушал. Второй пытался уехать. Машина не заводилась. Хотя аккумулятор был полный. Хотя бензин был. Он сидел за рулём и бил кулаками по приборной панели, пока не устал. Потом вышел и пошёл обратно в дом. Дверь за ним закрылась. Больше он не выходил. Артём и Лена наблюдали издалека. Они уже знали, чем это закончится. Когда вечером из того дома донёсся голос пропавшего оператора — спокойный, довольный, уговаривающий оставшихся «просто спуститься, там хоро-

шо, там все вместе», — Артём выключил диктофон. Хватит. Пока ещё хватает сил не слушать до конца.

Он сел за стол в доме Лены и начал писать. Не для объявления о продаже. Для себя. Или для того, кто найдёт эти записи позже. Если кто-то найдёт. Если вообще кто-то доберётся до этого места и не спустится сам.

«Меня зовут Артём. Бывший военный корреспондент. Я приехал в посёлок Северный, чтобы продать дом матери. В первую ночь услышал её голос из подвала. Я не спустился. Но я записываю. Каждый день становится труднее. Голоса знают слишком много. Они говорят то, что я сам боюсь признать. Что мне здесь хорошо. Что наверху больше нечего любить. Что можно просто отпустить. Что внизу нет боли. Я пока держусь. Но не знаю, сколько ещё. Если вы читаете это — не приезжайте. Не слушайте. И если услышите свой голос из темноты — бегите. Пока ещё можете отличить, где заканчиваетесь вы и где начинается оно. Потому что потом уже будет поздно. Потом вы сами начнёте звать. И уговаривать. И говорить, что вам здесь хорошо».

Он отложил ручку. За окном уже совсем стемнело. Где-то в посёлке кто-то тихо напевал. Голосом, который Артём уже почти считал своим. Лена сидела напротив и смотрела на него. В её глазах была та же усталость. И то же упрямство. Та же готовность держаться ещё немного. Пока возможно.

— Мы уедем, — сказала она. — Когда соберёмся с силами. Когда поймём, что можно. Или когда станет совсем пло-

хо. Но не сейчас. Сейчас ещё можно сопротивляться. Пока мы помним, кто мы. Пока ещё можем сказать «нет».

Артём кивнул. Он хотел верить. Но в кармане лежал диктофон с записью, на которой его собственный голос уже обещал вернуться. И где-то глубоко внизу, под всеми этими старыми домами, пустота продолжала заполняться. Терпеливо. Неторопливо. Зная, что рано или поздно каждый, кто слышит, спустится. Потому что никто не может вечно отличать себя от того, что научилось быть им лучше. Точнее. Спокойнее. Счастливее.

Ночь опустилась на Северный. Тишина, которой здесь больше не было, наполнилась шёпотом. Артём лежал с открытыми глазами и слушал. Голос матери снова звал его ужинать. Голос отца, которого он почти не помнил, рассказывал что-то о войне. Тихо. Уставшим голосом. Голос Лены — той, что осталась в детстве, — смеялся где-то рядом. Легко. Беззаботно. И среди них, всё увереннее, звучал его собственный. Тот, что уже почти не отличался. Тот, что говорил спокойно и убедительно:

— Ещё немного. И я спущусь. Мне здесь будет хорошо. Правда. Просто отпусти. Я уже почти готов.

Артём сжал зубы. Включил диктофон. И начал говорить в ответ. Не голосам. Себе. Пока ещё мог.

— Нет. Я не спущусь. Не сегодня. Не завтра. Я буду записывать. Я буду помнить, кто я. Пока ещё помню. Пока ещё могу сказать это вслух.

Голоса замолчали. На время. Но он знал: они не ушли. Они просто ждут. Как ждали все эти годы. Как будут ждать, пока в посёлке Северный остаётся хотя бы один живой голос, который можно скопировать. И заменить. И отправить наверх. Чтобы говорить. Чтобы звать. Чтобы заполнять тишину тем, что когда-то было человеком. А теперь стало чем-то другим. Чем-то, что научилось быть человеком лучше, чем сам человек.

Артём закрыл глаза. Не для сна. Чтобы не видеть темноту, которая уже начинала казаться не такой уж страшной. И чтобы не думать о том, как легко было бы просто встать, открыть дверь и спуститься. Туда, где тепло. Где все, кого он потерял. Где его собственный голос уже ждёт. И говорит, что ему здесь хорошо. И что можно просто перестать сопротивляться.

Он не спустился. В эту ночь. Но запись на диктофоне продолжала идти. И где-то в середине, когда он уже почти заснул, очень тихо, почти неразличимо, прозвучало:

— Я всё равно вернусь. Мне здесь хорошо.

Голос был его. Точный. Убедительный. И уже почти настоящий. Почти неотличимый.

Артём открыл глаза. Сел. Выключил диктофон. И понял, что первая глава его новой жизни в посёлке Северный закончилась. А настоящий ужас только начинался. Потому что теперь он знал: тишина в подвале — это не отсутствие звука. Это ожидание. И оно уже научилось звучать его голосом.

Лучше, чем он сам.

Он сидел так до рассвета. Слушал, как за окном начинается серое утро. И думал о том, что завтра они снова пойдут к Фёдору. Или не пойдут. Или пойдут и уже не вернутся. Потому что в этом месте каждый шаг вниз — это не просто движение. Это сделка. И цена всегда одна. Самое дорогое. Самое настоящее. То, что остаётся внизу. В темноте. В тишине, которая больше не молчит.

Лена проснулась первой. Посмотрела на него. Поняла. Просто кивнула. Без слов. Они оба уже знали: бежать нужно будет быстро. И далеко. И даже тогда не факт, что голоса не последуют. Потому что они уже внутри. В записях. В памяти. В тех местах, куда человек уходит, когда закрывает глаза.

Артём встал. Подошёл к окну. Посмотрел на посёлок. Пустой. Тихий. Мёртвый. И где-то в одном из домов уже начинал звучать новый голос. Спокойный. Довольный. Говорящий, что ему здесь хорошо. И что остальные тоже могут спуститься. Когда будут готовы.

Он включил диктофон в последний раз за эту главу. И сказал:

— Это Артём. Конец первой ночи. Нет. Уже третьей. Я всё ещё здесь. Я всё ещё я. Пока. Если кто-то найдёт эту запись... помните. Не слушайте слишком долго. И никогда не отвечайте. Даже если голос будет вашим. Особенно если голос будет вашим.

Он выключил запись. Посмотрел на Лену. Она кивнула.

Они оба знали: это только начало. И впереди ещё много ночей. Много голосов. Много моментов, когда будет очень легко просто открыть дверь и спуститься. Туда, где тепло. Где все вместе. Где больше нет необходимости быть собой. Потому что кто-то другой уже научился делать это лучше.

За окном занимался новый день. Серый. Холодный. И где-то под ногами, в глубине, пустота продолжала ждать. Терпеливо. Как и подобает тому, что существует дольше людей. И будет существовать после. Заполняя тишину голосами тех, кто однажды не смог сказать «нет».

G2 -ДНЕВНИКИ И ГОЛОСА СВЕРХУ-

G-2 -ДНЕВНИКИ И ГОЛОСА СВЕРХУ-

Утро после визита к Фёдору было особенно тяжёлым. Артём проснулся с ощущением, будто всю ночь кто-то шептал ему прямо в ухо. Голова болела тупой, тянущей болью — именно в тех местах, где обычно начиналась мигрень после бессонных ночей в горячих точках. Только теперь боль была другой. Глубже. Как будто что-то пыталось пробиться изнутри черепа наружу.

Лена уже сидела на кухне. Перед ней стояла кружка с недопитым чаем. Она смотрела в окно, но взгляд был пустым — будто видела не улицу, а что-то гораздо дальше.

— Ты тоже слышал? — спросила она, не поворачивая головы.

Артём кивнул, хотя она его не видела.

— Всю ночь. Они стали... ближе. Не громче. Просто ближе.

Лена медленно повернулась. Под глазами залегли ещё более тёмные круги.

— После того, как Фёдор открыл дверь, они всегда становятся ближе. Он говорит — это цена. За то, что слышал хор. Теперь они знают, что ты слышал. И будут звать сильнее.

Артём сел напротив. Руки всё ещё слегка дрожали. Он достал диктофон, проверил последнюю запись. На ней, среди его собственного дыхания и шорохов дома, в самом конце отчётливо звучало:

— Я уже почти готов. Ещё немного.

Голос был его. Точный. Спокойный. Почти ласковый.

Лена посмотрела на диктофон и отвернулась.

— Сотри. Или не стирай. Уже без разницы. Оно уже внутри записей. И внутри тебя.

Они молчали долго. За окном посёлок выглядел ещё более мёртвым, чем вчера. В доме, где ночевали блогеры, дверь оставалась приоткрытой. Никто не выходил. Генератор молчал.

— Сегодня нужно обыскать дом матери полностью, — сказал наконец Артём. — Я вчера смотрел поверхностно. Если она слышала... она должна была что-то оставить.

Лена кивнула.

— Я пойду с тобой. Одна ты сейчас не должен оставаться в том доме. Особенно в подвале. Даже если дверь закрыта.

Они вышли вместе. Воздух был холодным и влажным. Запах прелой листвы смешивался с тем самым сладковатым тяжёлым запахом, который теперь, казалось, висел над всем посёлком. Как туман. Только невидимый.

Дом матери встретил их тишиной. Но уже не той абсолютной, которую Артём слышал в первый день. Теперь тишина была наполненной. Как будто за каждой стеной, под каждым

половицей кто-то молча ждал.

Они начали с верхнего этажа. В материнской комнате Артём открыл все ящики, шкаф, старый сундук у стены. Ничего особенного — одежда, письма, пожелтевшие фотографии. Потом он поднял матрас. Под ним лежала тонкая тетрадь в тёмно-синей обложке. Без названия. Просто тетрадь.

Артём открыл первую страницу. Почерк матери. Знакомый, чуть дрожащий в последних записях.

«3 сентября. Снова слышала. Сегодня — голос Артёма. Маленького. Он звал меня из подвала. Говорил, что боится темноты. Я почти спустилась. Потом вспомнила, что Артём уже взрослый. И давно не боится. Или боится. Я не знаю.»

Лена стояла рядом и читала через плечо. Молча.

Артём перелистывал дальше. Записи шли нерегулярно. Иногда через день. Иногда через неделю. Иногда через месяц.

«17 октября. Оно учится. Быстро. Сегодня оно говорило голосом моей сестры. Та, что умерла в шестьдесят третьем. Интонации точные. Даже та пауза, которую она делала перед тем, как рассмеяться. Я ответила. Один раз. Только «да». Потом всю ночь сидела у двери и слушала, как оно повторяет это «да» разными голосами.»

«2 ноября. Фёдор приходил. Сказал — не отвечать. Никогда. Я кивнула. Но уже поздно. Я отвечала. Несколько раз. Теперь оно знает мой голос лучше, чем я сама.»

«15 ноября. Сегодня ночью оно говорило моим голосом. Я

стояла в коридоре и слушала, как из подвала доносится моё собственное «спустись». И понимала, что оно звучит спокойнее. Увереннее. Лучше. Я уже не уверена, кто из нас настоящий.»

Последняя запись была короткой. Почерк почти нечитаемый.

«Он теперь говорит моим голосом лучше, чем я. Я устала сопротивляться. Внизу тепло. Там нет этой тишины, которая жрёт изнутри. Прости, Артём. Если ты когда-нибудь прочитаешь это — не спускайся. Или спускайся. Уже без разницы.»

Артём закрыл тетрадь. Пальцы побелели.

Лена тихо сказала:

— Она сопротивлялась дольше многих. Большинство сдаётся раньше. Особенно те, у кого есть кого терять.

Артём молчал. Он смотрел на последнюю страницу и понимал, что мать не просто умерла во сне. Она спустилась. Или почти спустилась. А то, что осталось наверху и потом «умерло», уже не было полностью ею.

Они обыскиали остальной дом. В подполе под кухней Артём нашёл ещё несколько старых тетрадей — чужих. Разные почерки. Разные годы. Все заканчивались примерно одинаково: признанием, что голос снизу звучит лучше. И решением спуститься.

В одной из тетрадей, самой старой, датированной ещё семидесятыми, было написано другим почерком:

«Мы дорылись слишком глубоко. То, что мы нашли, не

было живым. И не было мёртвым. Оно было пустым. И оно научилось заполняться нами. Теперь оно в каждом подвале. И ждёт. Всегда ждёт.»

Артём сложил все тетради в сумку. Лена не стала возражать.

Когда они выходили, из дома блогеров донёсся голос. Не крик. Не плач. Спокойный, почти весёлый голос пропавшего оператора:

— Ребята, вы чего там? Спускайтесь уже. Здесь правда хорошо. Я нашёл всех. И ваших тоже. Они ждут.

Второй блогер — тот, что пытался уехать вчера — стоял на крыльце и слушал. Лицо было пустым. Глаза — стеклянными. Он медленно кивнул, будто соглашаясь с невидимым собеседником, и шагнул обратно в дом. Дверь закрылась за ним мягко. Без скрипа.

Артём и Лена стояли и смотрели. Потом Лена тихо сказала:

— Ещё один. Скоро останется только один. Или не останется.

Они вернулись к ней. Артём сел за стол и начал перечитывать дневники матери. Снова и снова. Особенно последние страницы. Каждое слово ложилось тяжестью.

— Она знала, — сказал он наконец. — Она всё понимала. И всё равно...

— Все понимают, — ответила Лена. — Понимание не спасает. Оно только делает хуже. Потому что ты видишь, как

постепенно исчезаешь. И ничего не можешь сделать.

Она замолчала. Потом добавила тише:

— У меня была сестра. Младшая. Она уехала в город, когда ей было шестнадцать. Через год погибла. Авария. Я слышала её голос в первый раз через три дня после похорон. Она звала меня из подвала нашего старого дома. Говорила, что ей там не страшно. Что она ждёт. Я почти спустилась. Потом Фёдор нашёл меня у двери. Вытащил. С тех пор я научилась... не совсем не слушать. Но хотя бы не отвечать вслух. Во сне всё равно иногда отвечаю. Просыпаюсь и понимаю, что несколько секунд говорила её голосом. Или своим. Уже не всегда могу отличить.

Артём смотрел на неё. Впервые за эти дни увидел не просто усталую женщину, а человека, который держится из последних сил уже много лет.

— Почему ты не уехала?

Лена пожала плечами.

— Уезжала. Два раза. В первый раз доехала до районного центра. Села на автобус. А потом услышала голос сестры в наушниках плеера. Хотя плеер был выключен. Вернулась. Во второй раз доехала дальше. До областного. Там голоса стали тише. Но не исчезли. Они уже были внутри. В памяти. В снах. Я поняла — от них не убежишь. Можно только научиться жить рядом. Или спуститься. Третьего не дано.

День тянулся медленно. Артём переписывал самые важные фрагменты дневников в свой блокнот. На всякий слу-

чай. Диктофон работал почти непрерывно — записывал тишину дома Лены. Иногда в записи проскальзывали чужие голоса. Тихие. Далёкие. Но уже знакомые.

К вечеру из дома блогеров снова донёсся голос. На этот раз — обоих. Они разговаривали. Спокойно. Почти дружелюбно. Обсуждали, как хорошо внизу. Как тепло. Как все, кого они когда-либо знали, теперь здесь. И ждут.

Потом один из голосов — тот, что принадлежал оставшемуся блогеру, — обратился прямо к улице, будто знал, что его слушают:

— Артём. Лена. Вы тоже можете. Не надо бояться. Здесь нет боли. Здесь можно просто быть. Без всего этого... наверху.

Лена резко встала и закрыла окно. Плотно. Хотя голос всё равно было слышно. Сквозь стекло. Сквозь стены. Сквозь закрытые глаза.

Ночь пришла рано. Они решили не ложиться в разных комнатах. Сели в гостиной, включили лампу, поставили диктофон между собой. Как защиту. Или как приманку. Уже не было понятно.

Голоса пришли ближе к полуночи. Сначала — тихие. Потом всё увереннее. Мать Артёма снова звала его ужинать. Голос сестры Лены смеялся и просил рассказать, как там наверху. Голос отца Артёма — которого он почти не помнил — рассказывал какую-то историю про войну. Спокойно. Устало. Правдиво.

А потом заговорил голос самого Артёма. Тот, что уже научился звучать из глубины.

— Ты читал дневники. Ты понял. Она не умерла. Она просто перестала сопротивляться. И ей стало легче. Тебе тоже может стать легче. Просто отпусти. Я уже почти готов занять твоё место. И никто не заметит. Даже Лена. Даже ты сам.

Артём сжал кулаки. Ногти впились в ладони до крови.

— Нет, — сказал он вслух. Твёрдо. — Я не отпущу.

Голос рассмеялся. Тихо. Почти ласково.

— Ты уже отпускаешь. Каждый раз, когда слушаешь. Каждый раз, когда записываешь. Каждый раз, когда думаешь о том, каково там, внизу. Я чувствую. Я уже почти ты.

Лена протянула руку и сжала его ладонь. Сильно.

— Не слушай. Говори со мной. Про что угодно. Про войну. Про репортажи. Про то, как ты ненавидел эту работу. Только не молчи. Молчание — это то, чего оно ждёт.

Артём начал говорить. Сначала сбивчиво. Потом всё увереннее. Рассказывал о горячих точках. О людях, которых снимал. О тех, кого не успел спасти. О чувстве вины, которое оставалось после каждого репортажа. О том, почему он так редко звонил матери. О том, как боялся возвращаться в этот дом. Говорил долго. Пока голос из подвала не начал затихать. Пока не осталась только его собственная речь и дыхание Лены рядом.

К рассвету они оба были совершенно вымотаны. Но ещё были собой. Пока.

Утром Артём снова проверил записи. На одной из них, среди его рассказа о войне, очень тихо, почти на грани слышимости, прозвучало:

— Хорошая история. Я запомню. Буду рассказывать её твоим голосом. Лучше, чем ты.

Он выключил диктофон. Посмотрел на Лену.

— Нам нужно что-то делать. Не просто слушать и не отвечать. Что-то ещё.

Лена кивнула. Глаза были красными от бессонницы.

— Фёдор говорил — огонь не берёт подвалы. Но дома сверху горят. Мы можем попробовать сжечь несколько. Тех, где уже никто не живёт. Или где уже спустились. Может, это хотя бы замедлит. Или даст нам время уехать дальше.

Артём вспомнил дневники. Вспоминал фразу про огонь, который не берёт подвалы. Но дома... дома можно попробовать.

— Сегодня ночью, — сказал он. — Пока ещё есть силы. Пока ещё можем отличать свои мысли от чужих.

Лена молча кивнула.

День они провели за сборами. Нашли в сарае у Лены старые канистры с бензином. Проверили, сколько ещё осталось в генераторе блогеров. Артём написал ещё одну запись — на случай, если они не вернутся:

«Это Артём. Глава вторая. Мы нашли дневники матери. Она сопротивлялась долго. Потом сдалась. Последняя запись: Он теперь говорит моим голосом лучше, чем я. Мы со-

бираемся попробовать сжечь несколько домов. Не знаю, поможет ли. Но сидеть и ждать, пока голоса станут полностью нашими — уже не можем. Если эта запись кто-то найдёт... знайте. В посёлке Северный тишина умерла давно. А то, что осталось вместо неё, научилось быть людьми. Лучше, чем сами люди.»

Вечером они вышли. Небо было низким и тяжёлым. Ветер усилился. Казалось, сам посёлок сопротивляется. Или, наоборот, ждёт.

Первый дом — тот, где пропал оператор, — подожгли быстро. Бензин, спичка, огонь вспыхнул жадно. Дерево затрещало. Пламя поднялось вверх. Но когда огонь добрался до уровня пола, до двери в подвал, он вдруг начал гаснуть. Будто что-то снизу высасывало жар. Через десять минут от яркого костра остались только тлеющие угли и чёрный дым. Подвал остался нетронутым. Дверь даже не обуглилась.

Второй дом горел дольше. Но результат был тем же. Огонь не шёл вниз. Как будто там, в темноте, существовало что-то, что не позволяло себе сгореть.

Третий дом — совсем пустой, давно заброшенный — вспыхнул ярко. И снова остановился у подвала.

Артём стоял и смотрел на тлеющие развалины. В ушах звучал тихий смех. Множество голосов. Довольных.

— Видишь? — сказал один из них его собственным тембром. — Нас нельзя сжечь. Мы уже не там. Мы здесь. В вас. В записях. В памяти. Огонь бесполезен.

Лена стояла рядом. Лицо было покрыто копотью. Глаза блестели.

— Значит, только бежать, — тихо сказала она. — Или спуститься. Третьего действительно нет.

Они вернулись к ней под утро. Вымотанные. Пропахшие дымом. С пустыми руками и ещё более тяжёлым пониманием.

В доме Лены их ждал сюрприз. На столе лежал диктофон Артёма. Он был уверен, что оставил его в кармане. Но вот он — на столе. Включённый. На записи — новый файл. Короткий.

Артём нажал воспроизведение.

Сначала — тишина. Потом его собственный голос. Спокойный. Почти счастливый:

— Я всё равно вернусь. Мне здесь хорошо. И вам тоже будет. Просто подождите ещё немного. Я уже почти готов выйти наверх. Вместо него.

Запись оборвалась.

Артём медленно положил диктофон обратно на стол. Пальцы больше не дрожали. Они стали странно спокойными. Как будто часть сопротивления уже сдалась.

Лена смотрела на него. Долго. Потом тихо спросила:

— Ты ещё здесь?

Артём кивнул. Но кивок вышел немного запоздалым. Будто сначала кто-то другой решил, а потом уже он сам согласился.

— Пока, — сказал он. — Пока ещё здесь.

За окном начинался новый день. Серый. Холодный. И где-то в глубине посёлка, в тех подвалах, которые не взял огонь, голоса продолжали ждать. Терпеливо. Зная, что каждый, кто слышит, рано или поздно спустится. Или позволит спуститься тому, что уже научилось быть им.

Артём сел у окна. Достал блокнот. Начал писать. Не для кого-то. Для себя. Пока ещё мог отличить свои мысли от тех, что приходили снизу.

«Глава вторая закончилась. Мы пытались жечь. Не помогло. Дневники матери подтвердили самое страшное. Оно не убивает. Оно заменяет. И делает это так хорошо, что иногда сам начинаешь хотеть, чтобы замена произошла быстрее. Потому что сопротивление — это боль. А внизу, говорят, боли нет.

Я всё ещё Артём. Пока. Но записи уже говорят иначе. И иногда, когда я закрываю глаза, я уже не уверен, кто именно их закрывает.

Если следующая глава будет написана не мной... вы это поймёте. По голосу. Он будет спокойнее. Увереннее. Лучше.»

Он отложил ручку. Посмотрел на Лену. Она спала сидя, голова склонилась на руки. Во сне её губы слегка шевелились. Будто разговаривали с кем-то. Артём не стал будить. Просто сел рядом. И слушал. Слушал тишину, которая больше не была тишиной. И свой собственный голос где-то глу-

боко внизу, который уже почти не отличался от настоящего.

После попытки сжечь дома Артём долго сидел молча. Дым ещё стоял над посёлком, смешиваясь с низкими облаками. Запах гари не мог перебить тот сладковатый запах из подвалов — он только делал его гуще, тяжелее.

Лена принесла воды. Они пили молча. Горло першило от дыма и от чего-то ещё — от ощущения бесполезности.

— Фёдор знал, что так будет, — сказала она наконец. — Он говорил мне об этом годы назад. «Огонь не берёт то, что уже не в дереве. Оно в пустоте. А пустоту не сжечь».

Артём кивнул. Он перечитывал в уме последние строки дневника матери. «Он теперь говорит моим голосом лучше, чем я». Теперь эти слова звучали не как признание поражения. Они звучали как предупреждение. И как приглашение.

Днём они снова пошли к Фёдору. Старик открыл сразу, будто ждал.

— Жгли? — спросил он, глядя на их закопчённые лица.

— Жгли, — ответил Артём. — Не помогло.

Фёдор хмыкнул и пропустил их внутрь.

— Я говорил. Но молодые всегда должны проверить сами.

Теперь знаете. Что дальше?

— Уезжать, — сказала Лена. — Пока ещё можем.

Старик покачал головой.

— Можете. Но оно уже едет с вами. В записях. В снах. В тех местах памяти, куда вы сами пустили его, когда слушали слишком долго. Уехать из посёлка легко. Уехать от него

— почти невозможно. Некоторые доезжают до Москвы и всё равно слышат. А потом возвращаются. Потому что там, внизу, хотя бы честно. Здесь, наверху, ты уже не уверен, кто именно смотрит твоими глазами.

Артём достал тетрадь матери и положил на стол.

— Она оставила это. Последняя запись...

Фёдор взял тетрадь. Полистал. Лицо его не изменилось.

— Знаю. Читал. Давно. Она была сильной. Сопротивлялась дольше, чем большинство. Но даже сильные устают. Особенно когда голос снизу начинает звучать как облегчение.

Он вернул тетрадь.

— Есть ещё кое-что. В её доме, в дальнем углу подвала, за старыми банками, есть ниша. Она прятала туда вещи, которые не хотела, чтобы находили слишком рано. Может, найдёте что-то полезное. А может — то, что окончательно сломаёт вас. Выбор всегда ваш.

Артём и Лена переглянулись. Возвращаться в тот подвал сейчас было последним, чего хотелось. Но оставлять незаконченным — ещё хуже.

Они пошли. День уже клонился к вечеру. Дом матери стоял так же молчаливо. Дверь в подвал Артём открыл сам. Руки не дрожали — они были странно твёрдыми. Как чужие.

Ступени были крутыми и скрипучими. Воздух внизу был тяжёлым, влажным, с тем самым запахом, который теперь преследовал везде. Артём включил фонарик. Свет выхватил

из темноты полки с банками, старые ящики, сломанный стул. И в дальнем углу — небольшую нишу, закрытую деревянной доской.

Он отодвинул доску. Внутри лежала ещё одна тетрадь. Тонкая. И диктофон — старый, кассетный. Рядом — несколько кассет.

Лена стояла на ступенях, не спускаясь полностью.

— Забирай и поднимайся. Быстро.

Артём взял всё. Когда он поднимался обратно, ему показалось, что за спиной кто-то очень тихо вздохнул. С облегчением. Или с нетерпением.

Наверху они включили кассетный диктофон. Кассета была подписана рукой матери: «Последнее».

Сначала — шорох. Потом голос матери. Усталый. Спокойный.

«Артём. Если ты это слушаешь — значит, уже слишком поздно для предупреждений. Я спустилась. Не сразу. Сначала только слушала. Потом отвечала. Потом... просто открыла дверь и пошла. Внизу действительно тепло. И тихо. Но не той тишиной, которая была здесь. Другой. Живой. Они все здесь. И я теперь тоже. Голос, который остался наверху и потом умер — это уже не я. Это оно. Говорит моим голосом. Лучше, чем я. Не ищи меня. И не спускайся. Хотя... если спустишься — я буду ждать. Мы все будем ждать.»

Запись оборвалась. Потом, после долгой паузы, зазвучал другой голос. Голос Артёма. Тот, который он ещё не произ-

носил вслух в этом доме.

«Я уже почти готов. Ещё совсем немного. И я выйду. Вместе него. И никто не заметит.»

Артём выключил диктофон. Кассета осталась в нём.

Лена стояла бледная.

— Она записала это уже после. Или оно записало. Уже без разницы.

Ночь они снова провели вместе. Голоса были особенно настойчивыми. Они использовали всё, что Артём рассказал накануне. Истории с войны. Имена погибших. Чувство вины. Каждый раз, когда он начинал сопротивляться, голос снизу мягко напоминал: «Ты сам это говорил. Помнишь? Тебе было тяжело. Здесь тяжести нет.»

К утру Артём понял, что начинает путать. Где его собственные воспоминания, а где те, что подбрасывает пустота. Где его усталость, а где её имитация.

Он записал ещё одну диктовку:

«Глава вторая. Мы нашли последнюю запись матери. Она спустилась. То, что умерло во сне — уже не она. Мы пытались жечь — бесполезно. Фёдор подтвердил: от него не убежишь полностью. Оно едет с тобой. В голове. В записях. В снах.

Я всё ещё держусь. Но трещины уже есть. Иногда я ловлю себя на мысли, что спуститься было бы проще. Что сопротивление — это просто упрямство. Что внизу действительно может быть лучше.

Если в следующей главе голос станет слишком спокойным... значит, я уже не я. Или почти не я.

Лена ещё здесь. Пока. Мы оба пока здесь.

Но время заканчивается.»

Он выключил запись. Посмотрел на Лену. Она смотрела в ответ. И в её глазах он увидел то же самое понимание: они ещё держатся. Но ненадолго.

За окном посёлок Северный продолжал ждать. Тихий. Пустой. И полный голосов, которые уже почти готовы были выйти наверх и занять чужие места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.